

² Речь идет о Мексиканской экспедиции (1861—1867). После установления республики в Мексике правительство Хуареса в целях восстановления экономического положения страны, пострадавшей в результате гражданской войны, решило отсрочить выплату займов Англии, Испании и Франции на два года. В ответ они предприняли против Мексики вооруженную интервенцию. Однако англичане и испанцы вскоре покинули страну. Французы же 10 июня 1863 г. захватили столицу — город Мехико (см.: С.-Петербургские ведомости, 1863, 13 (25) июля, № 157).

³ Речь идет здесь не о «С.-Петербургских ведомостях», а о газете «День». В ней утверждалось: «Наши чужекрайние русские обеспокоились; они хлопочут теперь о том, как бы примирить житье-бытье за границей с „любовью к отечеству“, с живым участием в его судьбах. Одним словом: они хотят любить Россию издали, и прослыть любящими ее — не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованиями, не разделяя с Россией ее бед и напастей, не подсобляя нести общую попу» (День, 1863, 22 июня, № 25).

⁴ Последний абзац — приписка сбоку на первой странице письма. Письмо это характеризует политические взгляды Сушловой, находившейся в это время в Париже в ожидании Ф. М. Достоевского.

Упоминание об антиматрице, возможно, даст дополнительный материал для комментария к роману «Идиот».

Л. М. РЕЙНУС

О РЕАЛИЯХ ДОМА КАРАМАЗОВА

Рассказывая о жизни в Старой Руссе, Л. Ф. Достоевская в своей книге писала: «Мы жили на маленькой даче полковника Гриббе. На сделанные с трудом во время своего пребывания на военной службе сбережения полковник построил себе маленький домик в немецком вкусе прибалтийских губерний, — домик, полный неожиданных сюрпризов, потайных стеновых шкафов, подъемных дверей, ведущих к пыльным винтовым лестницам».¹ Сопоставим это высказывание с описанием дома Федора Павловича Карамазова: «Много было в нем разных чулапчиков, разных прятков и неожиданных лесенок» (14, 85). Такое совпадение примет интерьера жилищ самого писателя и героя его произведения позволяет видеть в вышеприведенном отрывке указание на реалии, отразившиеся в романе «Братья Карамазовы». Это было тем более вероятно, что на другие реалии указывала и А. Г. Достоевская.²

В воспоминаниях Л. Ф. Достоевской не все точно. А. К. Гриббе вышел в отставку не полковником, а подполковником, что знала и А. Г. Достоевская.³ Гриббе был сыном Иркут-

¹ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.: Пг., 1922, с. 76.

² См.: Гроссман Л. П. Семипакий по Достоевскому. М.: Пг., 1922, с. 67, 68, 86.

³ Гриббе уволен в отставку «... подполковником с мундиром и пенсией полного жалования» (см.: Высочайшие указы о чинах военных, 1859, 17 февраля; см. также доверенность А. Г. Достоевской на покупку дома 18 мая 1876 г. (Гроссман Л. П. Жизнь и труды Достоевского; Биография в датах и документах. М.: Л., 1935, с. 248)).

ского врача,⁴ и приписывание ему «немецкого вкуса прибалтийских губерний» звучало неубедительно. Из писем И. И. Румянцеву и А. Г. Достоевской за 1899 г., когда производилась разборка дома в связи с его перестройкой, выяснилось, что «... он составной», «... спальни приделаны и не мастерски гораздо позже...».⁵ Видимо, Гриббе при выходе в отставку не построил новый дом, а купил уже готовый и лишь расширил его. Нестроительное и скептическое отношение в духе писателя А. Ф. Достоевского к словам своей тетки, высказанное в личном разговоре с автором. Несмотря на это, отвергать без проверки высказывание дочери писателя целиком было нельзя.

Интересующие нас особенности интерьера дома выяснились при просмотре материалов рукописного отдела Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ).

В 1899 г. А. Г. Достоевская, воспользовавшись пребыванием в Старой Руссе дочери, решает разобраться с вещами, находящимися в своем доме. Ее письма перечисляют целый ряд вещей, которые надо запаковать и отправить в Петербург. Те же, что остаются, она просит убрать в кладовые. Сколько же их? Мы читаем, что «куски и кусочки обоев от кабинета» надо спрятать «в кладовую около столовой» (в другом месте — чулан около столовой). «Все подушки приказки поставить в кладовую около кабинета». И, наконец, узнаем, что «бюсты царя и царицы <...> стоят в каморке около сортира».⁶ Можно предположить, что кладовые у небольших по размеру комнат могли выглядеть как «потайные стеновые шкафы».

Письмо Ф. Ф. Достоевского к матери за 1887 г. дало ответ еще на один вопрос. По ее поручению он проводит в доме ремонт — оклейку комнат, покраску дверей и лестницы. Он писал: «Ты спрашиваешь, как мы будем ходить в комнаты, если лестница будет выкрашена. Разве ты, мама, забыла, главную достопримечательность нашего домика? А потайная лестница? К чему же она и сделана? Ведь, что бы говори, а Александр Карлович Гриббе был запасливый человек».⁷

Где же находилась эта лестница? На плане перестройки второго этажа, находящемся в бумагах А. Г. Достоевской,⁸ указаны два лестничных пролета. Основная лестница ведет на веранду. Другая небольшая выгорожена в одной из комнат той части дома, что была пристроена позднее. К этой лестнице, видимо, и относятся слова И. И. Румянцева, который, поясняя А. Г. Достоевской свой план перестройки дома, писал: «И я предполагал бы так: из сундука внизу и из Вашей спальни (вернее, ком-

⁴ См.: Рус. старина, 1876, т. 17, с. 536.

⁵ ИРЛИ, ф. 100, № 30241, л. 261 (письмо датируется февралем 1899 г.); л. 139 (письмо от 9 февраля 1899 г.).

⁶ Там же, № 30412, л. 31, 32 (письмо от 1 сентября 1889 г.).

⁷ Там же, № 30364, л. 45.

⁸ Там же, № 30836 (снимок плана приведен в книге: Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1969, с. 37).

патки, где будет ход вниз) устроить ход на веранду...»⁹ Весьма вероятно, что «ход вниз», о котором идет речь, и есть место той потайной лестницы, о которой напоминал в своем письме сын писателя.

Говоря об особенностях изображения пейзажа у Достоевского, И. М. Чирков отмечает, что «в романах Достоевского позднейшей поры <...> характерно для Достоевского подчеркиваемое повторение черт внешней обстановки, попеременно контрастирующих и гармонирующих с сложным развитием романа. Действие контраста и соответствия повышается благодаря сплетению его с мотивом необычности».¹⁰ Отмеченная здесь роль «мотива необычности» присутствует и в описании жилища Федора Павловича Карамазова. В романе дом его «стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине. Был он довольно ветх, но наружность имел приятную» (14, 85). Противопоставления дополняются контрастной окраской дома и крыши. Вызываемое всем этим впечатление какой-то беспорядочности усиливается включением такой необычной детали интерьера, как «разные чуланчики, разные прятки и неожиданные лесенки». В романе это впечатление увязывается с чертами характера владельца дома. Кстати, следует отметить, что на самом деле разного рода кладовок в доме было не так уж много, а потайная лестница — всего одна.

В доме Достоевского имелись и другие реалии, использованные в романе. Можно упомянуть о ширмочках, о которых говорит И. И. Румянцев в другом письме к А. Г. Достоевской.¹¹ В романе красные «китайские» ширмочки, стоящие в спальне старика Карамазова, привлекают внимание Дмитрия, подкрадывающегося к окну (14, 353). И. М. Чирков обращает внимание на красный цвет этих ширмочек, который вместе с красной повязкой на голове Федора Павловича, красным цветом ягод на кусте, освещенном светом, падающим из окна, усиливает ощущение приближающегося рокового события.¹² Мы видим, что предметы повседневного обихода, окружающие писателя, обретают в творческой фантазии гениального романиста свою вторую жизнь, становясь неотъемлемыми элементами его художественного лица.

ПОЛЕМИКА

1. Письмо в редакцию

В 24-м томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского имеется заметка следующего содержания: «Предсказание. Фарисей. „Олонецкие губернские ведомости“» (24, 131). В коммен-

⁹ Там же, № 30241, л. 129 (письмо от 7 октября 1898 г.).

¹⁰ Чирков И. М. О стиле Достоевского. М., 1963, с. 90—91.

¹¹ Он писал, что при отделке помещения «чрезвычайно трудно подделываться под старое. Ширмочки около двери вышли как-то уродливо очень» (ИРЛИ, ф. 100, № 30241, л. 262. — Письмо от 9 апреля 1899 г.).

¹² Чирков И. М. О стиле Достоевского, с. 120.

тарии к этой записи высказывается предположение, что «заметка, возможно, вызвана помещенной в „Олонецких губернских ведомостях“ (1876, 28 января, № 7, стр. 76—77) статьей „Освящение церкви в Горском приходе, Олонецкого уезда (из корреспонденции г-д учителей Г. Туманова и И. Миролюбова)“. Статья наполнена лестью по адресу епископа Олонецкого и Петрозаводского Ионафана, чьи именины, пришедшиеся на день освящения церкви, отмечались праздничным обедом после богослужения» (24, 434).

Есть основания полагать, что справедлив комментарий к этой заметке, принадлежащей Г. М. Фридендеру. Позвольте его процитировать: «Заметка, вероятно, вызвана помещенной в „Олонецких губернских ведомостях“, 1876, 31 января, № 8, стр. 85—87, „возвращением о пожертвованиях на сооружение часовни над могилой Фаддея блаженного“, где описывается жизнь почитаемого местной церковью блаженного Фаддея, жившего при Петре I и, по повелению царя, паходившегося под полицейским надзором».¹

В самом деле, слово «Предсказание» относится к последующим «Фарисей. „Олонецкие губернские ведомости“», поскольку они были выписаны Достоевским на полях как одна заметка: «Предсказание. „Ведомости, вписано на полях“» (24, 131). О предсказании же речь идет именно в «Возвращении». Важно и то обстоятельство, что здесь говорится о предсказании смерти Петру Великому. Известно, с каким вниманием относился писатель к личности Петра.

Заметка «Фарисей» вполне подходит к облику олонецкого юродивого в церковном варианте предания о Фаддее, впервые записанном петрозаводским автором XVIII столетия Т. В. Баландиным.² В течение XIX и начала XX столетий в Петрозаводске создается целый ряд интерпретаций образа Фаддея, начиная со стихотворения Ф. Глинки,³ знакомого с Т. В. Баландиным. Опираясь на литературный вариант образа, церковники создают канонический лик «святого апостола Фаддея»⁴ для своих нужд борьбы с расколом. Только жизнеописание этого «святого», попав на глаза Достоевскому, могло вызвать соответствующую запись. Что касается статьи «Освящение церкви в Горском приходе», то она действительно наполнена «лестью по адресу епископа Олонецкого и Петрозаводского Ионафана», но фарисейство и лесть понятия не равнозначные.

Принимая Ваш комментарий, по мой взгляд, нужно уточнить его формулировку, добавив два-три слова. Допустим, не «по-

¹ Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 495.

² Баландин Т. В. Петрозаводские северные вечерние боссы. — Олонецкие губернские ведомости, 1866—1867.

³ Опубликовано В. Г. Базаловым (см.: Базалов В. Карельские поэмы Федора Глинки. Петрозаводск, 1945, с. 92—93).

⁴ ЦГА КАСР. Летопись о Петрозаводском кафедральном соборе. — Ф. 593, оп. 3, л. 1/2, с. 85.